

Вы знаете, мне по-прежнему верится,
Что, если останется жить Земля,
Высшим достоинством Человечества
Станут когда-нибудь учителя!
Не на словах, а по вещи традиции,
Которая завтрашной жизни под стать.
Учителем надо будет родиться
и только после этого – стать.
В нём будет мудрость талантливо-дерзкая,
Он будет солнце нести на крыле.
Учитель – профессия дальнего действия,
Главная на Земле!

Р. Рождественский

В этом повествовании будет идти речь об учителях, моих родителях, которые по-разному видели мир и по-разному выполняли свою высокую миссию наставничества. Я до сих пор не знаю ответа на многие вопросы, которые ставила сама жизнь, и склонен думать, что однозначного ответа просто не существует. Единственная истина, в чём я не сомневаюсь, состоит в утверждении того, что высота профессионализма учителя зависит от его способности и умения любить других детей, как своих собственных.

ЧАСТЬ 1

Учитель и общество

Мой отец, Старжинский Павел Иванович, родился 1 октября 1921 года в деревне Кутнево Слуцкого (ныне Солигорского) р-на Минской области БССР. Его отец, Старжинский Иван Петрович (1883–1955), был родом из обедневшей шляхты, или однодворцев. Мать, Мария Фоминична

Старжинская (Арестович) (1883–1923), также была шляхетского рода. Его старший брат Михаил (1904–1920) умер в юном возрасте. Когда отцу исполнилось три года, умерла его мама, и поднимала своего брата, заменила ему маму родная сестра – Старжинская Мария Ивановна (1911–1998).

После окончания Погостской средней школы мой отец поступил в Рогачевский учительский институт, где получил профессию учителя русского и белорусского языка и литературы. По направлению год до войны проработал учителем в семилетней школе в дер. Сковшин Старобинского района. Во время Великой Отечественной войны воевал с фашистами в составе партизанского отряда им. Александра Невского, бригады № 25 им. Пономаренко, действовавшей на территории Любанского района Минской области в составе разведгруппы с 23 августа 1943 года по июль 1944 года. Партизанский отряд им. Александра Невского дислоцировался среди болот, в непроходимых для врага местах. Там находились и сражались с фашистами белорусские партизаны – подлинные патриоты и защитники своей Родины. На любанщине были места, где не ступала нога фашистского агрессора, висели советские вывески, действовала Советская власть.

После освобождения Белоруссии отец добровольно (имел бронь как учитель) пошёл на фронт. В рядах действующей Красной армии принимал участие в боевых действиях. Воевал на фронтах в составе 96-й стрелковой дивизии (полное наименование: 96-я гвардейская стрелковая Иловая-ская ордена Ленина, Краснознамённая, ордена Суворова дивизия), освобождал Восточную Пруссию. Принимал участие в Берлинской операции. Во время боя при форсировании на подручных средствах рек Одер и Нейсе был контужен взрывом артиллерийского снаряда и попал в плен. Через месяц пленения освобождён войсками союзников и после отказа ехать на работы в США передан в фильтрационный лагерь Красной армии. После проверки советской контрразведкой был направлен служить в Красную армию, охранять фронтовой артиллерийский склад № 3740 в одном из городов поверженной Германии, поскольку его возраст совпадал с годами призыва. Награждён боевыми орденами и медалями. Уволен в запас в мае 1946 года. С сентября 1946 года был направлен на работу в Козловичскую СШ, где проработал до 1982 года. С 1964 по 1966 год учился на заочном отделении филфака Минского педагогического института имени М. Горького. Учительский стаж Старжинского Павла Ивановича составляет 42 года (с учётом довоенного (1 год) и послевоенного стажа (36 лет), участие в войне и служба в РККА – 5 лет).

Это официальная биография для отдела кадров. Что можно понять из этих сухих строк о человеке. Я начинал писать о своём отце давно. И только два года назад решился опубликовать повесть о его военной судьбе «Учитель»¹. Линия судьбы настолько лихо закручена и драматична, что в это трудно поверить, особенно нам – поколениям, «не нюхавшим пороха». Несмотря на тяжелейшие испытания, которые выпали на его долю, он остался настоящим человеком, гражданином, отцом, другом и учителем. Рассказывая о его поступках, я хотел бы понять неиссякаемые и неистребимые истоки духовности и человеколюбия фронтовиков. Пройдя через горнило невероятных испытаний, Павел Иванович, унаследовавший внутреннее дворянское² благородство, не ожесточился, не сломался, а, наоборот, стал ещё более возвышенным человеком, внутренним стержнем которого были справедливость и милосердие – наиболее важные христианские ценности.

Свобода выбора и звёздное небо над головой

Мы купили старый дом у человека по фамилии Федосик. Как оказалось позже, это была не фамилия, а деревенское имя рода, основателем которого был Фёдор, или по-местному Федосик. Дом располагался на хуторе, который потом вошёл в деревню Ближние Бондари. Дом представлял собой деревянную довоенную сельскую хату, ошалаванную изнутри, размером примерно 5×6 метров, с четырьмя окнами, под соломенной крышей. К дому примыкали сени и к ним ещё одна постройка, которая имела название «истопка», представлявшая собой амбар для хранения овощей и картошки. Название сие строение получило от глагола «истопить» (печку). Зимой, во избежание промерзания помещения и находящихся в нём картофеля и овощей, топили печку либо ставили горящие угли в ведре, которые выделяли жар. Дом находился метрах в пятидесяти от улицы, поскольку распола-

¹ Старжинский В. П. Учитель // Берега. – 2019. – № 5. – С. 54–74.

² О дворянском происхождении рода Старжинских см.: <https://geno.ru/news/1039/>

гался на старинном хуторском месте, а улица появилась позже. В этом и состояла его уникальность. Его не нужно было перевозить в деревню. Он оказался волею судеб в деревне, которая насчитывала лет через двадцать после описываемых событий около шестидесяти дворов. Из хозпостроек ещё был сарай, который находился в плачевном состоянии, и отец его реставрировал в первую очередь, поскольку он мог рухнуть в любой момент и задавить нашу живность – корову и кабанчика.

Наша корова-кормилица Ласка пришла на новое местожительство самостоятельно через лес напрямую, привязанная к телеге. А поросёнок Васька приехал на грузовике, в кузове, вместе со мной, когда перевозили шкаф, стулья, другую мебель и небольшие пожитки. В кабине находился помимо водителя отец и мой старший брат, я же сидел в кузове вместе со стреноженным Васькой. Вначале предложили место в кузове брату, но тот отказался, а я согласился и не пожалел. Ощущения остались незабываемые. До сих пор помню тепло, которое исходило от кабанчика, прямо как от печки (потом я узнал, что нормальная температура тела у свиньи около 40 градусов). Я сидел в кузове, разговаривал с Васькой и впервые столкнулся один на один со звёздным небом, которое завораживало. Ещё я отчетливо помню звук мотора машины ЗИС-5, завывание которой менялось в зависимости от того, ехали мы вниз или поднимались вверх по гостинцу, вместо которого была потом построена дорога Слуцк – Любань через местечко Пагост. Так вот, все «новосёлы» переселились в новое старое жилище. Дом был вполне пригоден для жилья, а хозпостройки потихоньку перестраивались, причём сарай был перенесён ближе к улице. Планировалось, что новый дом будет стоять по уличной линии, затем сарай и истопка.

В доме справа от двери находилась русская печка, довольно больших размеров, и две кровати – родительская и детская, на которой мы с братом спали вдвоём. Детской кровать стала после того, как отец её переделал, уменьшил длину, чтобы встала вдоль стены вслед за взрослой. У нас был кот, которого тоже «почему-то» звали Васькой, который всё время спал на печи, мы залезали к нему, и он нам мурлыкал очень громко. Слева, сразу у входа, стояла кухонная тумбочка, она же иногда выполняла роль обеденного стола. За ней вдоль стены стояла широкая лава, на которой стояло ведро с водой и алюминиевая кружка. Над лавой висели часы-ходики, с гирей на цепочке. В левом углу стоял письменный стол, с точёными ножками, покрашенный в тёмно-вишнёвый цвет, с выдвигаемым ящиком – шуфлядой, который единственный из мебели перекочевал потом в новый дом. За этим столом мы делали уроки, родители проверяли тетрадки и принимали гостей. Над столом висела керосиновая лампа-трёхлинейка. Ещё одна керосиновая лампа, меньшего размера, висела над кухонной тумбочкой.

Можно ли обманывать

В скором времени, примерно через год после нашего переезда, к нам в деревню стали проводить электричество. Мы с пацанами нашли себе новое занятие – наблюдать за процессом электрификации. Вначале привезли деревянные столбы, затем бетонные пасынки и разложили на улице возле забора примерно через каждые 50 метров. Затем пришли рабочие и выкопали вручную лопатами ямы под столбы. Ямы для столбов были глубокие, около полутора метров, и копались в два этапа, вначале около метра глубиной копали яму пошире, затем рабочий опускался в яму и копал углубление поуже ещё на полметра. К деревянным столбам прикрутили бетонные пасынки и при помощи крана установили и закрепили столбы вертикально и строго по одной линии. Затем монтажник при помощи специальных приспособлений, которые смешно называются «кошки», забрался на столб и установил фарфоровые изоляторы, на них повесили провода, по которым пустили электричество. Через некоторое время по этим столбам провели радио. К нашей хате поставили ещё один столб, так как она стояла в конце огорода.

Я помню, как мы радовались, когда в доме появилось электрическое освещение. Лампочка горела настолько ярко, что ни одна керосиновая лампа не могла с ней сравниться. Теперь книжки можно было читать даже забравшись на печку. Через какое-то непродолжительное время отец пришёл из школы ещё с одним учителем, которого звали Леонид Леонтьевич Сучок. Этот учитель преподавал в школе труд, черчение и был на все руки мастер. Но это я узнал значительно позже, когда закончил начальную школу, пошёл учиться в среднюю и стал его учеником. Сейчас Леонид Леонтьевич уже не работает, находится на заслуженном отдыхе, но по-прежнему является нашим любимым учителем и моим ГУРУ¹.

¹ Старжинский В. Яго «жалезная» педагогіка // Настаўніцкая газета. – 2008. – № 108–109. – 30.08.

Меньше чем через час у нас в доме было уже две лампочки: одна на прежнем месте посредине комнаты, вторая – над письменным столом, которая ярко освещала наши книжки и тетрадки, а от лампочки, которая висела посреди комнаты, создавалась тень человеком, сидящим за столом. Именно поэтому освещение решили усовершенствовать. Вторую лампочку провели при помощи провода, который закрепили под потолком, на одном конце провода прикрепили патрон с лампочкой, на другом – вилку, которая втыкалась в специально изготовленный народными умельцами патрон-розетку. Такой патрон в народе называли «жулик», смысл названия которого до меня дошёл примерно через месяц. Патрон для лампочки, которая висела посреди комнаты, заменили на жулик, в него вставили вилку, и у нас загорелось две лампочки. Искушённый читатель сразу поймёт смысл названия жулик, если ему сообщить, что в те времена не было счётчиков в доме, а расход электроэнергии учитывали по количеству так называемых «точек», или лампочек и розеток.

Примерно через месяц мы играли на улице в свои детские игры. И вдруг к нам на велосипеде подъехал электрик, такой старый дядя, которого звали Петрок. Отозвав нас в сторонку, он спросил: «А сколько у вас в доме лампочек?» Мы оба дружно ответили, что две. «И обе горят?» – «Да, но по очереди – или над столом, или в комнате». Петрок удалился, а мы забыли про этот разговор и никому дома ничего не сказали. Через несколько дней смотрим – идёт со школы отец, а рядом электрик. Зашли к нам в дом, мама накрыла стол и стала потчевать электрика. Выпили они немного настойки вишнёвой, и тут отец спрашивает:

– Но как ты узнал про жулик? Мы же никогда две лампочки одновременно не включали. Да и с улицы не видно наши лампочки, поскольку дом стоит в конце огорода.

А Петрок ему отвечает:

– А ты спроси у своих бойцов, кто мне рассказал про жулик.

На самом деле он первый спросил, а я лишь пытался ему объяснить, как здорово всё устроено с этим электричеством, как используется патрон с дырочками, этот самый жулик.

Петрок тоже воевал на войне и решил проявить фронтовую солидарность. Предложил не оформлять вторую лампочку, отцепить провод от потолка и включать по мере необходимости, а в дневное время суток провод и жулик убирать в шкаф. Отец его выслушал, поблагодарил и сказал:

– Чего уж там. Оформляй две точки. Нельзя жить и бояться.

На том и порешили. Пётр ушёл, а мама выразила недоумение:

– Ну зачем ты отказался? Он же предложил сам. – И, обращаясь к нам: – Дети, вы поняли, что нельзя никому ничего рассказывать, что у нас имеется в доме.

Не успели мы закивать головами, что всё поняли, как отец заявил:

– Обманывать нехорошо. Надо всегда жить по правде. Тогда не надо будет ничего и никого бояться.

Можно ли украсть для подарка

«Карали» – это по-русски бусы. Когда мы были маленькие, папа и мама работали в школе, а нас оставить было не с кем. Ещё в Замошье, где мы жили раньше, родители наняли няню – местную девочку, выпускницу семилетней школы, которая присматривала за нами, когда родители были на уроках. Известно, что средняя зарплата учителя в 1950–1955 годах составляла 700 рублей в месяц. Алеся, так звали нашу няню, получала 200 рублей. Для деревенского жителя это были неплохие деньги, так как колхозники за свою работу получали трудодни, которые только в конце года отоваривались зерном и частично деньгами. Для Алесиной семьи это было неплохое финансовое подспорье. Да и мы были под присмотром.

Алеся приехала к нам, по новому месту жительства, однако пробыла недолго. Всё время скучала по дому и постоянно жаловалась на нас, дескать, мы её обижаем. Конечно, мы тоже были дети не херувимы и постоянно от неё удирали, поскольку у нас появилось много деревенских друзей, которые готовы были с нами играть, только без няни. Алеся волновалась и со слезами нас искала, боялась, чтобы ничего с нами не случилось. В конце концов отец уступил её просьбам и отвёз домой в Замошье. Там он нашёл новую няню, которую звали баба Валя. Ей было лет под шестьдесят, и она нам казалась очень старой. С первой минуты она нам очень понравилась. Более того, мы с ней подружились, поскольку она нам потакала во всём, совершенно не контролировала, отпускала на все

четыре стороны, но с одним условием – к обеду, до прихода родителей из школы, мы должны были быть дома. А после обеда все разрешения мы получали уже у родителей.

У бабы Вали было одно хобби – она очень любила наряжаться. В отсутствие мамы она надевала её платья, кофточки, платки, а также бусы. Нарядится, как королева, покрутится пред зеркалом, которое было прикреплено к дверце платяного шкафа, и спрашивает у нас:

– Ну как, идёт мне этот наряд?

Мы восхищённо и искренне ей поддакивали. Особенно ей нравилась мамина бижутерия, несколько каралей (бус) – янтарные и ещё какие-то. Название ни мы, ни бабуся, никто не знал. Спросить же у мамы мы не могли, так как дали слово держать всё в тайне. Некоторое время спустя, в отсутствие родителей, к ней повадился ходить дед Михей, местный старикан, живший одиноко на другом конце села. От этого деда исходил крепкий запах немытого тела, как от бомжа. Именно по этому амбре наш отец вычислил непрошенные визиты жениха в наш дом. Кстати, баба Валя перешла жить вскорости к деду и стала баба Михеиха. Она привела его в божеский вид, и он перестал смахивать на бомжа. Однажды перед «женитьбой» дед пришёл к бабе и принёс ей карали, которые сам сделал из различных кусочков разноцветных проволочек, вернее, изоляции, которой они были покрыты. Он с гордостью рассказал технологию изготовления. Нарезаешь различных цветов проволочки, бросаешь в кипяток, а затем вытаскиваешь проволочки из оболочек, и нанизываешь эти оболочки (кусочки изоляции) на суровую нитку. Возможно, этим подарком он и растопил сердце «невесты».

Однажды мы с братом были у бабы Тани в гостях в деревне Козловичи. Мы часто к ней ходили, поскольку у неё был огромный сад, яблони и груши – ранние и поздние, а также росла садовая малина. Мы наедались от пуза и несли домой, сколько могли утащить. В один из визитов мы увидели её старшую дочку Веру, которая нарядилась, как королева. Но главное, у неё на шее красовались гранатовые бусы, стекляшки ярко-красного цвета, обвитые вокруг шеи два раза. Когда мы рассказали про бусы бабе Вале, у неё испортилось настроение. Назавтра она стала нас уговаривать принести ей эти бусы. Когда мы возразили, что красть нельзя, нас накажут родители, баба привела два убойных аргумента. Во-первых, никто не узнает, а во-вторых, вы не будете красть карали, а возьмёте на время поносить. Дальше обсудили план операции и пошли на дело. Старший брат стоял на шухере, а я пошёл за каралями. Долго искать не пришлось, они лежали в красивой железной баночке из-под индийского чая, выполнявшей роль шкатулки, которая стояла на подоконнике в зале. По дороге домой я всё время щупал карман, проверяя, на месте ли карали. Радость бабы Вали была безмерна, она сияла, улыбалась и кружилась в танце. Затем сняла самодельные и надела настоящие карали, нарядилась в мамино платье и крутилась перед зеркалом. В конце сеанса сняла все наряды и оставила только карали. Она нас целовала и говорила, что мы лучшие на свете мальчики. Мы все переживали минуты счастья, и оно было не поддельное, а самое настоящее.

А вскоре пришли родители с работы, и первым делом наша мамуля спросила:

– Ого, какие красивые бусы. И где же ты взяла, баба Валя, такую красоту?

Этот вопрос застал бабу врасплох, она не подготовила никакой правдоподобной легенды. Вначале она заявила, что это её собственные, она их привезла из дому, шанавала (берегла) и не носила, а сегодня решила надеть. Затем сказала, что карали ей подарил дед Михей... Мы опустили глаза и, после нескольких уточняющих вопросов относительно визита к бабе Тане, «поплыли». Карали были изъяты, и отдан приказ завтра отнести их и отдать тёте Вере, извиниться и больше никогда так не делать. Кстати, бабу Валию, как идейного вдохновителя и организатора кражи, мы не сразу сдали. Отец догадался о мотивах нашего поступка, но не давил, ждал, когда мы расскажем сами. А вскорости баба Валя стала Михеихой и покинула наш дом. Карали мы занесли и положили на место, признаваться в содеянном и извиняться не стали, было жутко неловко и боязно. Поскольку временную пропажу никто не заметил, мы думали, что всё сойдёт нам с рук. Однако мамуля допросила нас с пристрастием, и мы были вынуждены признаться в содеянном всем – бабе Тане и её дочерям. Кстати, в этом происшествии отец занял нейтральную позицию и не был сторонником моральной экзекуции.

В другой же ситуации он поступал строго и спуску не давал. Так, в одной из уличных разборок я вмешался в детские игры моей сестрёнки Тамары и её подруги, тоже Тамары, и как-то их обидел. Не помню деталей, помню только, что обе подруги с рёвом пошли по домам, жаловаться мамам. Как только я вернулся домой, мама учинила мне допрос. Вердикт отца был короткий. Иди домой к Тамаре и извинись. И тут я тоже бросился реветь, помня нравственные муки в разборках. Папа дал

время мне успокоиться и стал призывать к совести: «Ты же старший, они же девочки. Все извиняются, если поступают несправедливо». В общем, сил и мужества хватило у меня дойти до калитки обиженной девочки, дальше ноги не шли. Я так и стоял в нерешительности. Но тут вышла мама Тамары тётя Анюта, увидела меня и спросила: «Ну что, разбойник? И чего ты пришёл?» Делать нечего: «Извините меня, что я обидел Тамару. Я так больше делать не буду», и разревелся. Видя такое чистосердечное раскаяние, тётя погладила меня по голове и сказала: «Иди и скажи папе, что мы тебя прощаем». Как мне рассказывала мама через много лет про этот эпизод при обсуждении проблем педагогики, Анюта очень удивлялась искренности моего покаяния и его эффективности для детской души.

Можно ли бить детей

Однажды два брата – старший Коля, которому было около одиннадцати лет, и девятилетний Толя Дубосековы – пришли к нам домой и стали секретничать с моим братом. На то время ему было неполных восемь. Я был самый младший. В сентябре мне исполнилось шесть. Они все меня считали слишком маленьким и не принимали в свою компанию. И на сей раз они попытались незаметно от меня улизнуть из дому, оставив меня на попечении няни-домохозяйки. Однако я был начеку и не спускал глаз со своих старших друзей. Тем не менее они от меня убежали. Буквально пару минут мне понадобилось, чтобы надеть пальто, найти шапку и надеть сапоги. А мои старшие товарищи как сквозь землю провалились. Нигде во дворе их не было. Я побежал на улицу, надеясь определить хотя бы направление их движения, чтобы продолжить поиск. Два Коли и Толя исчезли, а я уныло побрёл домой. Однако дома было невыносимо скучно, и я опять засобирался на улицу.

Вышел за дверь, сел на лавочку у дома и стал думать, чем бы мне заняться. И вдруг услышал приглушённые голоса, скорее даже шёпот, моих исчезнувших друзей-предателей. Голоса раздавались со стороны истопки, перед которой была подповетка, или клеть, – неотапиваемая пристройка. Подкравшись вплотную к стене, я через щёлочку увидел, что ребята укладывают на земле в одну линию какие-то коротенькие макаронки. Далее старший мальчик, Николай, чиркнул спичкой и поднёс к краю лежавшей на земле змейки из макароншек. Такого чуда я ещё не видел, крайняя макаронка в мгновение ока загорелась, и огонь с большой скоростью побежал по змейке. Всё это закончилось моментально. Кто-то из них предложил повторить этот фокус. Но тут я не выдержал и завопил что есть мочи:

– Ага, я всё видел, папе расскажу, как вы балуетесь со спичками и поджигаете подповетку.

Ребята сначала онемели от неожиданности, а затем мой брат открыл дверь и решил замять назревающий скандал:

– Заходи. Будешь с нами играть. Если не расскажешь папе, то мы и тебе дадим пороха.

Таким способом, путём угроз и шантажа, я влился в компанию старших товарищей. Как оказалось, братья Толя и Коля где-то нашли артиллерийский снаряд и дома сумели вытащить поражающую часть – головку снаряда из гильзы – и извлечь оттуда порох. Как они не взорвались, одному Богу известно. «Главное, – учил старший, – не стучать по снаряду». Николай насыпал мне горсть «макароншек» и со смехом предложил понюхать, что я и сделал. Затем я попробовал его на зуб по совету старших. Ни вкус, ни запах мне не понравился. Ребята же стали надо мной смеяться, а старший мальчик Коля объяснил, что они меня таким образом посвящают в солдата, который «порох нюхал». Как мне кажется, никто не понял его шутки, кроме него самого. Но я на этом не упокоился и тоже решил устроить огненную змейку. Старший поджёг, огонь побежал и буквально уткнулся в деревянную стенку клетки, а затем моментально подскочил вверх и погас. Такого эффекта никто не ожидал. Оказывается, вспыхнула паутина в углу клетки. Удача была на этот раз на нашей стороне. Ничего не загорелось. Тем не менее Николай стал страшать:

– Расскажешь папе, то получишь больше всех. Ты же чуть клеть не поджёг.

Об этих проделках никто из взрослых не узнал, и мы избежали наказания.

Однако наши игры в войну продолжались. Не помню, кто из мальчишек, наших друзей, рассказал и продемонстрировал в действии пистолет из велосипедной спицы. Устройство до гениальности простое. От спицы отрезается небольшой кусочек с резьбой, который используется в качестве пули. На оставшуюся часть резьбы накручивается головка спицы, которая начинается серой от спичечных

головок. Затем лёгким усилием руки на один – пол-оборота закручивается кусок с резьбой, который отрезали. Сама спица сворачивается наподобие ручки пистолета. Всё. Оружие к бою готово. Поджигаем спичку и подносим к головке спицы, сера в головке воспламеняется, и пуля с негромким звуком взрыва серных газов летит на два-три метра.

Успешное испытание провели во дворе. Затем я предложил потренироваться в точности стрельбы. Пошли в дом, легли на пол, примерно в двух метрах от входной двери. Внизу двери поставили в качестве мишени оцинкованный тазик, который использовался для мойки пола, и начали пулять. Стреляли по очереди. Один стрелял, второй поджигал патрон. В тазик попадали, но хотелось попасть в десятку, середину тазика. Чувствовали себя солдатами на войне, с оружием, точнее пистолетом, в руках.

И в самый разгар тренировки в стрельбе, во время перезарядки оружия, открывается дверь и входят родители. В доме сизый дым, запах от спичечной серы и два солдата, застигнутые врасплох. Сразу же началось следствие, суд и наказание – отцовский ремень. Количество ударов ремнём каждому, как будущий физик-математик, я подсчитал безошибочно. Решение задачи состояло из трёх действий. Первое действие: посчитать, сколько спичек осталось в коробке, – 20. Сколько спичек было в спичечном коробке – 60. Действие второе: сколько спичек сожгли – 40. Действие третье: сколько приходится на каждого – 20. Экзекуцию описывать не хочется, но придётся. Становись буквой Г. Голова зажимается между ног отца, и только слышится «ой». Каждый получил поровну, по-братски. Через некоторое время в доме над письменным столом появился плакат, где была изображена горящая спичка, полыхающий дом и надпись:

Ростом спичка невеличка,
Не смотрите, что мала.
Эта маленькая спичка
Может сделать много зла.
Крепко помните, друзья,
Что с огнём шутить нельзя.

Как мне кажется, запомнили крепко. Тем более брат, который служил потом в пожарной части и был огнеборцем. Однако война нас не отпускала.

Когда мы учились в классе шестом или седьмом, старший школьник по кличке «Малина» нашёл в лесу неразорвавшуюся бомбу и пригласил своих друзей её взорвать. Мы с братом участвовали в этом захватывающем мероприятии. В яме разложили костёр, когда он разгорелся, подбросили ещё дровишек, и Малина притащил спрятанную в кустах бомбу. Она была довольно внушительных размеров, и «сапёр» нёс её перед собой на полусогнутых руках, нагонял на нас страх, приговаривая:

– Главное в сапёрном деле, не споткнуться и не уронить боеприпас, а то может взорваться.

Затем он очень небрежно положил её в костёр, языки пламени, по-видимому, обжигали руки, и присоединился к нам. Мы сидели в засаде, на довольно большом расстоянии, спрятавшись в канаве. Время от времени мы высовывали головы и смотрели на костёр и бомбу в ожидании взрыва. Было слегка не по себе и одновременно жутко интересно посмотреть, как на самом деле рвутся бомбы, поскольку сей процесс мы видели только в кино. Костёр догорал, а бомба лежала целая и невредимая. Кто-то высказал предположение, что бомба, по-видимому, пустая, из неё извлекли взрывчатку. Малина опроверг сей спорный аргумент, поскольку, дескать, она была очень тяжёлая, и выдвинул другую гипотезу. Бомба очень толстая и не очень хорошо прогрелась, костёр был слабый. Надо пойти и ещё подкинуть дровишек. Стали совещаться, кто пойдёт «дожаривать» бомбу.

Однако принять решение не удалось. Вдруг раздался взрыв такой силы, что у нас заложило в ушах. До нашего окопа долетели головешки от костра и комья земли, осколками срубило несколько берёзок. И наступила звенящая тишина. Звенящая, потому что звенело в ушах. Малина вскочил, стал прыгать, как папуас, и кричать «ура», мы подхватили его боевой клич и чувствовали себя на войне, где мы победили немцев. Потом восхищались своей отвагой и долго рассматривали место взрыва: яма увеличилась в несколько раз, а от костра и следа не осталось. По дороге домой обсуждали дальнейший план действий по поиску боеприпасов, очень хотелось продолжить «войну с немцами».

Мы ощущали себя настоящими бойцами Красной армии. Однако нашим планам не суждено было сбыться. Вся деревня слышала взрыв, мощность его была такова, что в домах задрожали стёкла в окнах. Отец сразу понял про взрыв и, когда увидел нас целыми и невредимыми, спросил: «Что вы

взорвали? Никто не пострадал?» После нашего восторженного рассказа он напомнил про случай самоподрыва маминого ученика в Козловичах, после которого наша семья отправилась «в ссылку» в Замошье, затем напомнил стрельбы в доме из спицы и попросил пригласить к нам домой «заводилу». Малина сначала отнекивался, затем согласился, и мы пришли к нам домой. О чём они разговаривали с нашим отцом наедине, так и осталось загадкой. Тем не менее общее собрание «подрывников» состоялось. Во вступительном слове отец кратко описал эпизод, как он форсировал немецкую реку Одер, как попал под артиллерийский обстрел, как на него летели фонтаны воды, смешанные с кровью и останками человеческих тел... Подробности были так натуралистичны, что я не могу их описать, чтобы не уподобляться адептам расчленёнки. Затем он неожиданно замолчал и после продолжительной паузы обратился к Леониду, так звали Малину:

– Леонид, ты же старше всех. Пообещай мне больше никогда ничего не взрывать.

Бомба была финальным аккордом. С войной мы покончили. Вернее, с боеприпасами.

Добро должно быть с кулаками?

Однажды меня мама послала в магазин в соседнюю деревню за селёдкой. В деревне Козловичи работал сельский магазин (сельмаг), где управлялся Сазонович – завмаг, лет пятидесяти, поджарый, с вечно поджатыми и узкими губами, и его помощница Аня, молодая симпатичная девушка, недавняя выпускница школы и торгового училища. Разумеется, у завмага были фамилия и имя, но его все называли уважительно по отчеству. Сельмаг в те годы был центром местной вселенной. Народ вечно толпился как возле магазина, на уличной стороне, так и во дворе. Во дворе, как правило, собирались местные любители разливного пива и чего-либо покрепче, которые с кружками стояли и сидели на ящиках в импровизированном пивном баре на свежем воздухе. Иногда за магазином стояла телега без запряжённой в неё лошади, которая использовалась в качестве дивана-кроватьи. Иногда в неё запрягали лошадку и развозили по домам совсем уж «уставших» друзей.

Пиво привозили на грузовике в двухсотлитровой дубовой бочке, которую с кузова осторожно скатывали по двум наклонным доскам. Два крепких мужика – грузчик магазина и его закадычный друг – весело, в предвкушении скорого веселья и праздника для души катили бочку за прилавок. Сазонович суетливо освобождал место и держал наготове насос. Последний представлял собой длинную трубу, вставленную в конусную металлическую пробку, на которой была нарезана винтовая резьба, дальше шёл кран-«гусак», затем собственно сам насос в виде цилиндра и поршня, который приводился в действие длинной ручкой-рычагом. Чтобы проще было понять, представьте себе колонку для воды, которые устанавливают на даче. Бочка устанавливалась вертикально, пробкой вверх. Затем два мужика начинали священнодействие, от успеха которого зависела их премия в виде кружки пива каждому и навару завмага. Мужики брались за насос и по команде дружно и резко давили на пробку, которая проваливалась внутрь бочки, её место должен был занять насос, пробка которого наглухо закрывала отверстие в бочке, затем несколько поворотов насоса для ввинчивания его и надёжного крепления и – получай свежее разливное пиво «Жигулёвское».

Ребята наловчились проделывать этот фокус, как правило, не пролив и капли. На сей раз что-то пошло не так, видно, нетвёрдой оказалась не только походка помощника, но и его рука. Насос вошёл наперекосья и никак не хотел становиться на место, ввинчиваться в днище бочки. Пока исправляли ситуацию, пиво под давлением весело устремилось к посетителям, но не в кружки и бидоны, как обычно, а на изумлённые лица и одежду зевак и страждущих. Сазоновича окатили с головы до пят, высота струи менялась по мере ввинчивания насоса. Пришлось менять не только синий халат, но и брюки и сорочку. Я и другие пацаны, а затем и некоторые бабы, находившиеся в магазине, стали хохотать и острить. Одни: «Пей, хоть залейся». Другие: «Так им и надо, пропойцам. Плохо, что не всё вылетело. Никак не нажрутся». И вдруг все, как по команде, замолчали. Из подсобки вышел Сазонович, чернее тучи, в чёрном халате и таким же цветом лица и разразился отборным матом и угрозами, адресованными прежде всего грузчику. В конце спича объявил, что пиво до конца дня отпускатся не будет, послышались жалобные вздохи, слатывание слюны и тихое роптание.

Затем он решил дать возможность реабилитироваться грузчику магазина, да и с товарами нельзя задерживать райпродторговскую машину. Была поставлена задача выгрузить ещё две бочки с селёдкой и одну открыть для торговли. Тем же способом спустили бочки на землю и покатали, одну в под-

сбокку, другую за прилавок, в дальний угол, где собирались развешивать и торговать. Бочку поставили на днище, выбрав верх, на который указывали следы от обруча, который нагоняли, когда ставили крышку. На этот раз всё прошло без сучка и задоринки. Вначале сбили верхний стальной обруч, скреплённый двумя заклёпками, затем средний согнали на более узкое место в бочке, чтобы освободить крышку. Затем потихоньку, чтобы не повредить, при помощи стамески и топорика извлекли днище-крышку. Последний аккорд – поставить на место обручи. Всё, подходи, не зевай, селёдку покупай. Анна принесла из подсобки подшивку старых газет (главное, чтобы не использовалась газета «Правда»), сняла слой пергаментной, плотной упаковочной, жёлтого цвета бумаги, которой была укрыта селёдка, и произнесла: «Кто у нас по очереди?» На весы легло полгазеты, сложенной вдвое, а на неё два жирных, сочных дальневосточных «селядца». Торговля началась.

Сазонович колдовал возле пивной бочки. Открыл кран, с «гусака» довольно резво в наклоненную пивную кружку побежало пиво. Значит, есть давление в бочке, пива убежало немного, пока не нужно было использовать насос. На сердце отлегло, может, потери уложатся в лимит. Но подстраховался. «Пиво будет без отстоя», и уменьшил угол наклона кружки почти что до нуля. Народ вошёл в положение, страждущие с полными кружками пива и пены через край потянулись в бар на улицу.

Через пару минут в сельмаг зашёл сапожник Герасим, которого местные называли Гераська, а следом за ним, пропуская его и придерживая дверь, вошёл мой отец Павел Иванович. Герасим был участником Великой Отечественной войны, воевал под Сталинградом, где и потерял ногу, наступив на пехотную мину во время марш-броска. Ему ещё повезло, что госпиталь оказался недалеко и старшина перетянул ему ремнём ногу, из вены которой кровь била фонтаном. Ногу ему в фронтовом госпитале отняли выше колена, и он ходил на самодельном протезе, который представлял собой деревянную култышку, которая пристёгивалась к обрубку ноги и туловищу ремнями. Вернулся домой, а через некоторое время жена ушла к другому, оставив ему маленького сына. Так и жили вдвоём, Герасим работал в сапожной мастерской, где подвизался и его сынишка. Герасим не считал себя несчастным и радовался, что живёт в деревне и не был выслан на Соловки, как другие инвалиды, которых вывезли из городов, чтобы они не портили их (городов) вид. Однако его счастье не было настоящим, поскольку зависело от этого проклятого зелья. Когда кончалась пенсия и не было заказов в мастерской, Герасим страдал, «трубы горели». Именно эта беда гнала его в сельмаг, ибо Сазонович давал «под запись», то есть в долг. Герасим встал в пивную очередь и, когда подошёл его черёд, попросил бутылку беленькой. Сазонович, ни слова не говоря, взял из ящика бутылку «Московской» за 2 руб. 87 коп. и протянул руку за трёшкой. Проситель криво усмехнулся и попросил «на павер», то есть на доверии, с записью в журнале. Сазонович опять взорвался. То ли не отошёл от пивных дел, то ли возмутился тем фактом, что Гераська сразу не сказал, что просит товар без денег. Завмаг распустил язык и не просто стал костерить Гераську, а упрекнул его в увечии, якобы он давит на жалость своей деревянной ногой, а все должны быть ему обязаны. Партизан и ветеран, такой же фронтовик как Герасим, мой отец оставил меня в «селёдочной» очереди и подошёл к Сазоновичу.

– Слушайте, вы – хамло, не смейте оскорблять заслуженного человека, благодаря которому вы здесь торгуете и вообще живёте на этом свете. Сам, небось, прятался во время войны за женской юбкой.

Отец еле сдерживался от бушующих эмоций и остановился, чтобы перевести дыхание и успокоиться. Сазонович перешёл в наступление:

– А ты кто такой?! Защитник нашёлся! Знаем мы вас, партизан. От полицаев не отличишь.

Отец перегнулся через прилавок, схватил наглеца за грудки, притянул к себе и буквально по словам произнёс:

– Тебе это даром не пройдёт.

И вышел из магазина.

После небольшой тишины женщины заговорили одновременно:

– Ну зачем ты хороших людей обижаешь?

А через пару недель районная газета «Шлях Ильича» опубликовала статью «Грубиян за прилавком». В те времена на публикацию в прессе начальство реагировало серьёзно. Сазоновича вызвали в райпищеторг и объяснили, как надо разговаривать с покупателями, особенно с ветеранами и инвалидами войны.

Можно ли обманывать

Мы жили в старом доме около десяти лет, пока не переехали в новый. Столько времени потребовалось, чтобы заработать денег и построить новый дом. И вот такой день настал, мы – новосёлы. Помню новый дом и сосновый запах, как в лесу, когда мы в 1963 году, в конце лета, впервые в нём ночевали. Он представлял собой сруб из высококачественных корабельных сосен, размером 7×8 метров, с временным полом в виде досок, положенных на подвалины (специальные брёвна, расположенные поперёк дома, предназначенные для настилки пола). Семь окон были изготовлены мастером в течение предшествовавшей зимы и смонтированы им собственноручно в оконные проёмы сруба. Не помню имя мастера, помню только, как мы с братом на колхозной телеге ехали забирать изготовленные окна в соседнюю деревню Дальние Бондари, где жила наша бабушка Степанида и тётя Люба с семьёй. Прошёл дождь, ярко светило солнце и отражалось в лужах и на листьях придорожного олешиника. Мы были счастливы и упивались жизнью. Особенно брат, который чувствовал себя взрослым, поскольку именно ему отец доверил ответственное поручение – привезти изготовленные окна домой. Я был на вторых ролях – помощника, но также испытывал эйфорию не меньше брата. Брат гнал лошадку во весь опор, затем она перешла в галоп, обратно ехали спокойно, бережно везли семь окон и рамы-«дубельты» для зимнего сезона.

Однако вернёмся в дом. В доме была наспех сколоченная отцом временная дверь. По шутливому замечанию отца, чтобы в дом не забралась собака. В доме отсутствовал потолок, но крыша была из оцинкованного железа. Не было сеней и крыльца, в дом мы забирались по времянке – крепко сбитой отцом лестнице от земли до входной двери. Но все эти временные неудобства мы не замечали. Главное – мы жили в новом, построенном нашим отцом доме. Конечно, сруб изготовили профессиональные плотники из деревни Кальчицы. Рубили они его неделю вчетвером. Каждый сидел на своём «углу», и рубили они дом в «немецкий угол», в котором брёвна не накладывались друг на друга с торчавшими концами. Напротив, конструкция угла основывалась на специальных шипах, которыми заканчивались брёвна, и угол был «заподлицо». Как я уже рассказывал, окна, а также двери сделали профессиональные столяры, всё остальное сделал наш отец собственноручно, а мы в меру возможностей ему помогали. Вот такое было трудовое и нравственное воспитание.

Но я хочу рассказать о другой истории, связанной с нашим домом, которая запала глубоко в душу и впервые заставила задуматься о правде и лжи. Проблема возникла в связи с ответом на вопрос о законности приобретения лесоматериалов для строительства. Внешне всё выглядело таким образом. Отец приезжал на велосипеде из школы, а следом ехал лесовоз, который привозил готовые пиломатериалы в виде бруса толщиной 16 сантиметров, а также необрезной доски разной толщины, от сороковки до двадцатки. Отец быстренько расплачивался, деньги отдавал Змитеру, дяденьке, который работал завхозом в школе, и машина быстро уезжала. Я никак не мог понять, почему всё проходило в спешке и под покровом темноты. В течение недели брусья и доски аккуратно складировались на улице возле нашей усадьбы. Затем история повторялась. Лес поступал в течение всей зимы. За один раз привозилось около восемнадцати-двадцати брусьев. Сруб состоял, как правило, из восемнадцати венцов. Как известно, венец складывается из четырёх брёвен. Итого, на сруб надо семьдесят два бревна, плюс шесть балок, плюс шесть подваulin, плюс материал на стропила, окна и двери. Кроме того, лесоматериал нужен был ещё для постройки «трёхстенка» – сеней. В общем, привезли нам примерно пять или шесть машин строевого леса. Отец рассказывал, что завхоз Змитер поставлял лес ещё и другим нуждающимся.

Через пару лет после начала нашей стройки к нам приехал милицейский «бобик». Из него вышли двое милиционеров и устроили допрос нашему отцу, мол, предъяви билет (документы) на лес. Документы были в порядке. Однако отцу выписали повестку явиться на допрос по поводу приобретения лесоматериалов, поскольку лес оказался ворованным. Мы с волнением ждали отца с допроса. Я до сих пор не могу понять, зачем отец нам, пацанам-несмышлёнышам, рассказывал эти события в подробностях. Дело в том, что в те времена лес для граждан не выписывали, и каждый доставал как мог, кто договаривался с лесником, кто выходил на лесничего, и только немного позже стали выписывать лес гражданам для индивидуального домостроения.

Змитер как человек предприимчивый организовал маленький бизнес. Некоторые бдительные граждане доложили куда следует. Змитера арестовали, осудили и дали семь лет тюрьмы. Если бы было доказано хищение в особо крупных размерах, то его могли и расстрелять. Змитер отсидел

пять лет и вышел по амнистии. И сразу после освобождения он приехал к отцу, и мы услышали продолжение этой истории. Отец на допросе Змитера не сдал. Факт покупки леса он не отрицал. Однако покупал он лес у незнакомых людей. Номер машины не помнил. Где он нашёл продавцов? – На перекрёстке возле деревни стоял лесовоз и предлагали купить лес желающим. Лесоматериалы сопровождалась документами. Сколько денег заплатил, не помнил, поскольку цена была разной. Змитер брал деньги для предоплаты, поскольку ему отец доверял. Большая часть из того, что говорил отец, было истинной правдой. Но правдой было и то, что не вся информация была предоставлена следствию. Следователи выходили из себя, истерили, кричали, запугивали, мол, из свидетелей пойдёшь по статье. Как оказалось позже, после ареста Змитера первый визит милиционеры нанесли в наш дом, поскольку отец и обвиняемый вместе работали. После общения с милиционерами отец, не мешкая, поехал к другим покупателям и предложил подобную форму защиты, которой упорно придерживался сам. Не все выдержали. Тем более не всегда Змитер лично сопровождал машины с лесом. Приговор оказался не сильно жёстким, поскольку Змитер не был организатором, не имел непосредственного отношения к добыче лесоматериалов, а лишь помогал найти покупателей. Возможно, учли, что он был участником войны, фронтовиком. Во всяком случае, мы – пацаны – ещё раз увидели фронтовое братство и солидарность, интуитивно почувствовали, что имеет право быть «ложь во спасение». Что касается более сложной проблемы взаимосвязи правды и лжи, доказательства правды в юриспруденции, то её решение, начиная с античности до настоящего времени, не удовлетворяет человеческое общество.

Можно ли научить плавать, не влезая в воду

Сейчас, в период серьёзного социально-политического кризиса, в нашей стране отзываются об учителе не очень лестно. Если не сказать похуже – вешают на него всех политических собак и делают крайним во всех наших бедах. Во времена моего детства, в шестидесятые годы прошлого века, ситуация со статусом учителя была прямо противоположная. Учитель в те времена был уважаемой фигурой, нёс знания и культуру не только школьникам, но и взрослым. Так, перед каждым праздником – Ноябрьскими праздниками, Первомаем и Новым годом – учителя готовили и давали концерты в сельских клубах. Наш отец, Павел Иванович, был очень талантливым декламатором. Он так здорово, с таким выражением умел читать стихи, что публика замирала и во время пауз, которые он умел держать, стояла мёртвая тишина, все буквально замирали. Смешной эпизод, который был обязательным, сопровождался взрывом искреннего смеха. Смеялись все без преувеличения. Перед концертом строго отбирался репертуар и проводились репетиции. Отец при этом привлекал и нас – меня, моего брата и младшую сестрёнку Тamarу. И если Николай отнекивался и не любил, по его словам, кривляний, то мы с Тamarой охотно повторяли за отцом способы выразительной декламации.

Кстати говоря, эти курсы актёрского мастерства не прошли даром. Через пару лет я «работал» конференсье и в возрасте десяти-двенадцати лет вёл учительские концерты. Однажды забыл слова «в том же исполнении», вышел на сцену, объявил песню и сказал: «Исполняют... – замолк, подбирая слова... нашёлся: – Те же самые». Зал грохнул. Я зашёл за кулисы красный как рак и спросил у отца:

– Я сильно провалился? Больше не выйду.

На что тот ответил:

– Вот теперь ты докажешь, что ты не трус.

Однако слова написал мне на бумажке. Я вышел на сцену и не успел открыть рот, как кто-то из зала выкрикнул:

– Тот же самый.

Зал захихикал. Я мужественно по бумажке чётко и отчётливо произнёс номер, исполнителей, и концерт покатился дальше. А я преодолел ещё одну планку страха публичного выступления. Я до сих в своих лекциях использую паузы, меняю темп речи, повышаю и понижаю интонации. Скажу не хвастаясь, несколько раз после моих лекций раздавались дружные аплодисменты. Прошу заметить при этом, что лекции у меня учебные, казалось бы, о скучных материях.

Что касается Тamarы, то оказалось, что у неё классный музыкальный слух и голос. В последующем она стала петь сольные песни на концертах настолько успешно, что к концу десятилетки за-

думывалась о карьере профессиональной певицы. Однако не сложилось. Тем не менее я помню её, исполняющую песню «Школярочка», которая стала местным шлягером:

Я школярочка мала,
Зовут меня Маруся,
У меня триечек нема,
Бо я добро учуся.
Школярочка я малесенька,
У меня триечек нема,
Бо я добро учуся.
Как уроки все зрблю,
Так книжки читаю,
Так ленивых не люблю,
Усим помогаю.
Школярочка я малесенька,
Так ленивых не люблю,
Усим помогаю.

Однако вернёмся к нашему папе. Так, на один из концертов Павел Иванович нашёл стихотворение о бракоделах, которое называлось «Кое-как о кое-каках». Прослушав это стихотворение, мама дала дельный совет. Прежде чем читать эти стихи, надо перевести их на белорусскую мову: «Абы як пра бракадзелау», а затем прозой пояснить смысл, ибо эти «кое-каки» могут всё испортить. Оказалось, что опасения были не напрасны. Народ открыто ржал при неблагозвучных словосочетаниях. Особенно запомнился триумф концертной деятельности нашего отца буквально по Станиславскому. Учительские концерты включали в себя песни под баян, художественное чтение стихов (в основном басен), танцы, иногда на сцене ученики строили спортивные художественные пирамиды. Гвоздём программы всегда была постановка одноактной или двухактной пьесы.

Вспоминается пьеса, которую написал сам отец, и он был исполнителем главной роли. Дело было в 1957 году, после войны прошло двенадцать лет. Сюжет был незамысловатый и весьма актуальный, про войну, – русские и немцы. Помню, как ученики в нашем доме делали реквизиты: немецкие погоны, которые прикрепляли на настоящий немецкий чёрный плащ, из кожи «молодого дермантина», который отец действительно привёз из Германии. Рисовали немецкую кокарду на фуражку, потом всё это примеряли. «Фашист» получался как настоящий. Краткий сценарий: партизан переодевается в немецкую форму и идёт в разведку. Его полицаи разоблачают каким-то образом, и начинается рукопашная схватка. Два полицаия повалили на пол нашего папу, якобы немецкого офицера, и начинают душиить за горло. «Немец» хрипит и сучит сапогами по полу. И в это время маленькая Тамара, которой было три годика и которая сидела с мамой и братьями на первой скамейке, стала кричать: «Не убивайте его, это не фашист, это мой папа». Зал взорвался аплодисментами. Это были овации. Детское отчаяние, страх и крик нельзя сыграть. Всё было по-настоящему. А тут подросли друзья – партизаны, убили полицаев и спасли папу второй раз. Но первой спасительницей своего папы была маленькая доченька. Аплодисменты звучали как никогда.

ЧАСТЬ 2

Учитель: призвание или профессия?

Я знаю точно, что происходило 22 июня 1941 года в первой половине дня в средней школе № 1 города Слуцка. Война ошеломила. Страх и ожидание неизвестной беды сковывали сознание. Выпускники школы, среди которых была моя мама, прибыли в школу для получения аттестатов зрелости. Однако рано утром директор школы забрал семью и срочно покинул город. Учитель физики (к сожалению, имя его неизвестно) взял на себя командование. Он раздал всем ученикам чистые бланки аттестатов и попросил заполнить. Естественно, что каждый знал свои оценки, и ни один выпускник школы не проявил жлобство – не добавил себе баллов. Учитель физики стал сверять оценки с журналом и остановился на третьем аттестате. В воздухе висел призрак войны, а перед учителем стояли выпускники, кристально чистые и ясные, как июньское небо. И тут учитель физики понял,

что проверка не только не нужна, но и неуместна, и даже унизительна для всех. Учитель расписался в аттестатах вместо директора, поставил печать и выдал – вручил аттестаты зрелости своим выпускникам. Напутствие было коротким. За окном – война, страшная своей неизвестностью, а школа живёт будущим МИРОМ – выдает путёвки в жизнь. Она запомнила слова учителя из напутственной речи: «Не бойтесь. Война когда-либо закончится, мы победим врага. Вам нужно будет начинать свою взрослую жизнь. Аттестат – это путёвка в жизнь. Не забывайте своих учителей, свою родную школу». И наша Настя не могла представить, что её жизнь будет неразделима со Школой. Школа станет её судьбой.

Детство босоное

Анастасия была самой младшей, как думала Степанида (затем Бог дал ещё одного ребёнка – Любашу), и самой любимой дочерью. У моей бабушки Степаниды было семеро детей. Трое «чужих», от покойницы Ефросиньи, – Давид, который погиб во время войны с немцами, Татьяна и Надежда, а также свои – старшая Ольга, затем Лидия, Анастасия и младшенькая Любовь.

Пусть меня простят мои двоюродные Галя и Лидия, но я поведаю не очень благопристойный факт, о котором рассказывала моей маме бабушка Стёпа. Любаша была, как теперь говорят, незапланированным и поэтому нежелательным ребёнком. Молоко у её мамы пропало, и возникла проблема с питанием малышки. За ней ухаживали старшие сёстры, Оля и Лида, и кормили коровьим молоком. Нянчилась с сестрёнкой в основном Лидия, поскольку старшую Олю привлекали к работам по хозяйству. Многочисленная семья Трофима – мужа Степаниды, жила на хуторе, имела много десятин земли (около трёх гектаров), пару лошадей, а также немало коров, свиней и другой живности. Все были заняты делом, а поэтому маленькую Любашу иногда оставляли на произвол судьбы, одну в избе. Из-за семи нянек ребёнок был неухоженный и, как оказалось, недокормленный. Степанида, грешным делом, однажды подумала: не жилец наша младшенькая. Бог не дал долгожданного сына и теперь собирается забрать к себе Любашу. К этому времени Любе исполнился год, но она не умела ходить, а только ползала. Как оказалось, этот навык спас ребёнку жизнь. Некоторое время спустя Оля доложила маме, что младшенькая приползает к корыту (рашке), в котором секачом измельчают варёную картошку для свинок, маленькими ручонками загребаёт это «пюре» и с удовольствием уплетает. Прошло несколько месяцев, Люба стала на ноги... По иронии судьбы, именно Люба, как говорят, досматривала свою маму Стёпу в старости, закрыла ей глаза. Несмотря на жизненные трудности и семейные неурядицы, она была очень жизнерадостной и человеколюбивой. Ни разу она не упрекнула свою маму в «халатном» отношении к себе. Более того, когда сёстры собирались вместе, то именно Люба была «философом-стоиком», говоря: «Настя, ты не понимаешь, какая ты счастливая. Все твои проблемы не стоят выеденного яйца».

Вернемся, однако, в «Вязинки» – так называлось место, где был хутор Третьяковых. Третьяковы – местное прозвище рода Трофимовичей, истоки которого мне установить не удалось, несмотря на все усилия. Кстати, на месте нашего хутора сейчас расположено искусственное водохранилище, которое находится в километре от здания новой школы. Места там были низкие, заболоченные, и, по воспоминаниям моей мамы, они весной после паводка ловили вьюнов в лужах прямо возле дома. Метод ловли был простым, но эффективным. Дети залезали босыми ногами в лужи, тёплые, как парное молоко, и усиленно ходили по лужам, перемешивая болотную грязь. Рыбы, естественно, в такой жиже дышать не могли и высовывали головы наружу в надежде найти спасение. Но тут юные браконьеры ловко черпали их плетёными лукошками. Впоследствии мы с братом также успешно занимались подобным рыбным промыслом.

Наступила школьная пора, и Настя пошла учиться в начальную школу в деревню Козловичи. Училась она отлично, успевала по всем предметам, как по языкам, так и по математике. Как лучшую ученицу школы, её поощрили путёвкой в санаторий, расположенный в городе Бобруйске. Кстати, более чем через пятьдесят лет Анастасия Трофимовна, будучи пенсионеркой, опять приехала в Бобруйский санаторий имени Ленина и с удивлением обнаружила, что помнит некоторые места довоенного санаторного отдыха. Между тем Настя за три недели пребывания набрала три кило веса, и это был рекорд санатория. В те времена эффективность работы санатория измерялась

килограммами «привеса». Домашние утверждали, что она прямо подросла и похорошела, волосы стали кудрявиться, и этот её кудрявый локон сохранился на всех взрослых фото.

Всё было замечательно, но тут случилось две беды, более точно – трагедии. Когда Насте было восемь лет, умер отец Трофим. По её рассказам, дело обстояло весьма страшно и необычно. Отец вернулся с поля раньше обычного и, сославшись на недомогание, прилёг на лаву, попросив сына Давида истопить баньку. Собравшись с силами, но заметно шатаясь, словно во хмелю, ушёл с сыном на помывку. Затем попросил Степаниду принести чистую одежду. Не только исподнюю, но и верхнюю – рубаху, брюки и новые сапоги. На недоумённые взгляды и вопрос Степаниды сказал: «Да, Стёпушка, родная, умирать буду». Не успел облачиться в чистое, как свалился на лаву и... помер. По рассказам Давида, они с отцом корчевали лес для нового участка пахотной земли, и батя «надорвался». Во время корчёвки старых пней и сильного физического напряжения, по-видимому, случился инсульт или инфаркт.

В людях

Вторую беду принесли комитеты бедноты (комбеды), которые, выполняя решение ВКП(б) – Всесоюзной коммунистической партии большевиков – о коллективизации, раскулачили семью Трофимовичей, поскольку она имела двух лошадей – кобылу и жеребёнка, коров и телят, несколько свиней. Забрали всё, оставив корову и маленького поросёнка. Главный по реквизиции, местный голодранец и пустодомок, лодырь и пьяница, обратился к Степаниде: «Ну, как будем лошадей делить? По закону можно оставить только одну лошадь. Кобылу мы реквизируем, а тебе оставляем жеребёнка, растите, и будет вам лошадь». Но как только повозка тронулась, жеребёнок, оставленный во дворе хозяйке, так жалобно заржал, что его мама резко развернулась, опрокинув телегу, и помчалась на помощь плачущему дитяти. Степанида не выдержала этого издевательства над материнским инстинктом и самой жизнью и открыла ворота.

Через несколько месяцев комбедовцы ехали на Трофимовой повозке, рядом бежал, сопровождая маму, заметно подросший жеребёнок. В это время Степанида с Олей и Лидой возвращались с поля, где ей как члену колхоза была нарезана норма – участок посевов для прополки. «Ну что, подкулачница, садись подвезём, небось устала». Первыми побежали девчата, однако как только они поравнялись с телегой и намерились заскочить в повозку, возница резко стеганул заметно похудевшую, со впалыми боками кобылу и умчался, поднимая кучу пыли, захлёбываясь от смеха и упиваясь безнаказанностью и всевластием...

Но, как говорится, беда не ходит одна. Помимо незаконного изъятия живности, нелюди разорили хутор: разобрали гумно – помещение для складирования сена, все сараи и амбары, а вдобавок разобрали соломенную крышу на хате. Таким образом крестьян вынуждали к переселению, осуществлялась политика борьбы с хуторской системой и приобщения белорусских жителей к «цивилизованной» жизни в деревнях. Предложили на выбор переезжать в Ближние или Дальние Бондари. Степанида выбрала Дальние Бондари, поскольку у самого леса-кормильца и подальше от комбедовцев-комиссаров. Хатку разобрали, перевезли и собрали на новом месте на окраине деревни – прогоннице. Я помню это жилище: о двух окнах, низенький потолок, но с полом. Прошло время, и супруг Любви Трофимовны Владимир Никифорович построил новый светлый дом, который гостеприимно распахивает нам – «бездомным» – свои двери. Сейчас на погосте у деревни Дальние Бондари покоится прах Степаниды, её детей и внуков. Нашли своё успокоение там и мои родители – Павел Иванович и Анастасия Трофимовна.

Ну а что же Настя, которая окончила начальную школу? Пришло время идти в семилетку, но денег на учёбу, не говоря уже об одежде, не было. Тем более, была проблема с дорогой. От деревни Дальние Бондари до Козлович было около семи километров. Маленькой девочке ходить такое расстояние тяжело, да и небезопасно: нередко стаи волков нападали на деревенский скот. Посоветовавшись со своей старшей приёмной дочерью Татьяной, сошлись на едином решении – переехать Анастасии временно жить к Татьяне. Рядом школа, да и сестре поможет нянчить детей. Татьяна рано вышла замуж, и к этому времени у неё была дочь Вера пяти лет и двухлетняя Ольга. Так десятилетняя Анастасия пошла в люди, как говорится, на свой хлеб. Конечно, было страшно уходить из дому, расставаться с любимыми сёстрам, а главное – с любимой мамочкой, но желание учиться

было сильнее всяких страхов. Чтобы успеть к началу занятий в школе, Настя с клунком в руках, в котором была её выходная одежда, в конце июля 1934 года в сопровождении мамы и сестры Ольги направилась пешком в Козловичи. Степанида проводила любимицу до конца села, вытерла слёзы разревевшейся Насте и поспешила к дому, детям, хозяйству, огороду, к тысяче дел, которые ждут хозяйку в деревне в конце лета.

Занятия в школе были большой радостью, которая компенсировала страхи жить в чужой семье и все трудности в работе няньки. Главная трудность была связана с Верой, которая была очень упитанным ребёнком и в свои пять лет весила очень много, по мнению Насти. Она возила обеих девочек на коляске-самоделке, которую смастерили деревенские умельцы. Коляска была о двух деревянных колёсах, стянутых железными обручами. Тащить её за собой можно было за метровое дышло, которое заканчивалось круглой перекладной, за неё нужно было браться вдвоём. Но Настя была одна, и усадить в коляску старшую девочку было для неё большой проблемой – просто не хватало сил. Более того, ещё больше усилий требовало передвижение коляски по деревенской улице, узкие колёса которой утопали в песке. А в остальном жизнь была замечательной – новые друзья, новые школьные открытия, но главное – старшая сестра Татьяна оказалась очень доброй и мудрой женщиной, которая во многом заменяла Насте её родную маму. Замечу между прочим, что первую дочь мы назвали Татьяной в честь этой благородной женщины с большим сердцем. Анастасия иногда по выходным бегала домой на побывку, быстро выросла и по-прежнему хотела учиться дальше.

Наступил 1938 год, Настя окончила семилетку. Среднее образование можно было получить только в городе Слуцке. Степанида пыталась отговорить Настю, но старшая Ольга поддержала и обещала лично помогать деньгами. «Пусть учится». Благородство Ольги трудно переоценить. Она пожертвовала своим образованием и возможностью учиться дальше ради сестры. Будучи старшей в семье, она заменила рано ушедшего отца – косила, пахала наравне с деревенскими мужиками, сохраняя при этом женское обаяние и застенчивую улыбку.

Учёба в средней школе пролетела как один день. Страшная война перечеркнула все планы на университет и на всю дальнейшую жизнь...

Здравствуй, школа, я – учительница

3 июля 1944 года наши войска освободили Минск, и это почему-то считается у нас Днём независимости. Город Слуцк был освобождён от немецко-фашистских захватчиков 30 июня. Город лежал в руинах, как и вся Беларусь. Тем не менее встал вопрос о восстановлении системы образования, организации школьного обучения. Основная проблема состояла в катастрофической нехватке учителей. Примерно через месяц в дом Степаниды прибыл нарочный и передал сообщение для Анастасии прибыть в Слуцк в районный отдел народного образования (РОНО). Все домашние не на шутку встревожились за Настю и с нетерпением ждали её возвращения. Настя прибыла домой к вечеру и рассказала о том, что её отправляют на двухмесячные курсы на учёбу в Слуцкое педагогическое училище, а затем распределяют на работу в одну из школ учителем начальных классов. В исполкоме выбрали лучших выпускников последних лет и решили в срочном порядке подготовить их к работе в школе, чтобы начать учебный процесс. Примерно к середине октября 1944 года Настя переступила порог Безверховичской СШ Слуцкого района. Работа с детками сразу понравилась, и Настя после первого урока поняла, что это её стезя. Ни о какой другой работе она и думать не хотела, видя горящие глаза школьников. Директор школы после посещения её уроков сказал прямо: «Так тебе не нужны никакие университеты. Ты же готовая учительница». Затем он перевёл Настю из начальных в старшие классы и дал уроки русского и немецкого языка. Прошёл учебный год, и Настя обратилась к директору с просьбой отпустить её для работы в Козловичи, поближе к дому, где тоже заработала средняя школа. Директор был категорически против. И только поход к заведующему РОНО и его твёрдое обещание найти Насте замену помогли ей перейти работать в Козловичскую среднюю школу в качестве учителя русского языка и литературы. Именно в этой школе Настя нашла свою любовь и обрела свое призвание – быть настоящим учителем.

Наша родная Козловичская СШ в мае 2020 года отпраздновала своё 120-летие. Сельский учитель А. Василевский ещё до революции собрал детишек в сельской хате и начал обучать основам грамоты и арифметики. Я учился в этой замечательной школе, которая поначалу располагалась в четырёх

деревянных зданиях, построенных из домов раскулаченных деревенских жителей. А в 1964 году школа переехала в новое типовое трёхэтажное здание, которое было построено на средства колхоза им. Кирова. Односельчане с огромной благодарностью вспоминают председателя колхоза Героя Социалистического Труда Сергея Дмитриевича Лемещенко. Приезжавшие из Америки земляки брали землю на память и фотографировались на фоне школы.

Школа стала для всей нашей семьи судьбой – мамы, отца, брата Николая, его супруги, тестя и тёщи, меня, моей супруги Натальи, детей, сестры и мамы Натальи, сестры Тамары и её дочери Анастасии.

БГУ им. Ленина

Какой всё-таки учительницей была моя мама – Старжинская Анастасия Трофимовна? Моим учителем был и мой отец Павел Иванович. Если сравнивать, кто из них был лучшим учителем, кажется, на первый взгляд, что это вопрос типа, кого любишь больше – папу или маму. Однако на него можно дать, как мне думается, вполне внятный ответ. Мой отец как учитель относился к детям как взрослым. Он был рафинированным интеллигентом и преподавал в школе в стиле университетского профессора. Он никогда не читал нотаций, никогда не выговаривал ученикам, и они относились к нему с уважением. Однако его сдержанность в сфере чувств ощущалась детьми, и они тоже проявляли к нему почтительную сдержанность. В теории он был сильнее мамы, и это доказывалось в процессе обучения её в Белгосуниверситете и постоянными консультациями, которые она брала у него.

Мама же как учительница была настоящим педагогом и наставником именно средней школы. Проработав педагогом без малого полвека, я с уверенностью могу сказать, что она была Учителем с большой буквы. Её ученики были лучшие во всём – в учёбе, в воспитании, в общественно-полезных мероприятиях. На её уроках не было проблемы с дисциплиной. Её нельзя было не слушать. В её арсенале была любовь и похвала, строгость и порицание. Она относилась к ученикам как к своим детям. И это говорит о многом, если не обо всем. Я уверен, что любовь к другим (чужим) детям как своим – это редчайший дар, христианское благословение. К сожалению, я не могу признаться в этом качестве. Но дети эту божественную любовь чувствуют интуитивно и тянутся к таким людям, как цветок к солнышку. И такую любовь многие ей не прощали, особенно коллеги... Кстати, в моей жизни всеми своими достижениями я обязан именно таким учителям, которые встретились на моём пути и помогли обрести цель и смысл жизни. Таким настоящим учителем стал для меня также Леонид Леонтьевич Сучок, который явился для меня своеобразным гуру – человеком-образцом, по которому делаешь жизнь. Я о нём ещё расскажу чуть позже.

А сейчас о том, как работала моя мама. Можно сказать словами известной телепередачи. Она работала лучше всех. Доказательство – её ученики и качество их обучения и воспитания. Успех, как известно, не остаётся «безнаказанным». В один «прекрасный» момент директриса вызвала учительницу А. Т. Трофимович в кабинет и сказала: «Прошло уже десять лет после окончания войны, большая часть учителей имеют дипломы о высшем образовании, либо учительские институты, либо, наконец, дипломы педучилища. А у вас справка об окончании курсов. Вы либо поступаете в пединститут, либо ищите другую работу». Такой ультиматум был предъявлен в конце учебного года. До начала приёмной кампании оставалось чуть больше месяца. Замечу, что с такими справками об окончании курсов доработали благополучно до пенсии математичка и учительница начальных классов. Кстати, лет через десять эта же проблема коснулась и Павла Ивановича, который до войны окончил Рогачёвский учительский институт, что приравнивалось к неполному высшему образованию.

На семейном совете решили поступать в БГУ, факультет, естественно, филологический. А теперь представьте ситуацию. Лето 1956 года. Сельская учительница, трое детей: два сына – семи и пяти лет – и дочь – неполных два годика. Хозяйство в виде коровки, свинок и кур, а также огород и 20 соток картошки. Живём в старом доме, а на улице лежит брус (опилованный лес) для строительства нового дома. Необходимо всё отставить и переложить все заботы на плечи папы. Мама наспех готовится к вступительным экзаменам. Помню фанерный жёлто-оранжевого цвета довоенный чемодан с навесным замочком, в который мама складывала вещи и книги для поездки в Минск. Вернулась дней через десять-двенадцать. Стали ждать вызов. И вызов пришёл! Это был

большой праздник в нашей семье. С первого сентября 1956 года старший брат Николай пошёл в первый класс, а Анастасия Трофимовна стала 32-летней студенткой первого курса филологического факультета Белгосуниверситета заочного отделения. И ровно через шесть лет, в 1962 году, мама получила диплом о высшем образовании. Ни одного «хвоста». Все зачёты и экзамены сдавались успешно и вовремя. Правда, однажды вернулась назад контрольная работа как незачётная. Папа срочно устранил замечания и отослал работу обратно. Этот сбой имел два последствия. Незачётная контрольная работа, отправленная обратно, долго искала адресата и долго плутала по разным Трофимовичам. Мою маму знали под фамилией Старжинская. Во избежание путаницы в дальнейшем пришлось срочно стать Старжинской и по паспорту. А папа взял функцию написания контрольных работ на себя. Все работы получали зачёт с первого раза. И тому было несколько объяснений. Отец был сильным филологом, относился к работе ответственно, обладал изумительным каллиграфическим почерком. Для написания работ он ездил в Слуцкую библиотеку за соответствующей литературой.

Мамин университет не обошёл и нас с братом. На последних курсах появилась необходимость в прочтении большого количества современной отечественной и зарубежной литературы. Но когда читать книги?! Вот расписание. Подъём в шесть часов утра. В это время начинает работать проводное радио и всех будит. Приносятся дрова и растапливается русская печка, зимой – и грубка, готовится завтрак, как правило, это яичница на сале, картошка или блины. Ставится вариться два чугуна картошки для свинок. Доится корова, процеживается молоко, кормятся куры и свинки. Поднимаются дети в школу, все завтракают и идут к восьми часам на занятия. Раньше, во время маминной учёбы в университете, школа находилась посередине деревни Козловичи. Расстояние около трёх километров.

Когда мы были дошкольниками, у нас была нянька. Большую часть забот по дому она брала на себя. Когда мы стали школьниками, всё легло на плечи родителей. Домой возвращались в три-полчетвёртого. И опять – обед, работа по хозяйству: коровка, свинки, куры, а ещё сад, огород. Зимой торф и дрова, чтобы отопить дом. А ещё, что у учителей-филологов за домашняя работа? Правильно. Проверка тетрадей, написание планов, подготовка к урокам. К двенадцати ночи мама засыпает над написанием планов. Я сам видел эти записи сонного, смертельно уставшего человека. Текст (буквы) становятся всё уже, строка опускается вниз, а затем от буквы идёт линия вниз. Всё – человек вырубается. Как они это выдерживали?

Конечно, мы – дети – не были сторонними наблюдателями и всячески помогали родителям. Особенно в уборке урожая – яблоки, груши, сливы, вишни, мы были незаменимыми помощниками и выполняли эту работу с удовольствием. В сентябре наступал период уборки картофеля, который мы не любили. Кроме сезонных работ, к которым нас привлекали родители, у нас были постоянные обязанности. В холодное время года брат отвечал за отопление дома, выбирал золу, приносил дрова и торф и топил печку-грубку, в последующем топил котёл водяного отопления. Я отвечал за чистоту в доме, каждую пятницу или субботу мыл полы, гладил бельё, приносил воду в дом, выполнял другие мелкие поручения. Подросла сестра Тамара и стала маме надёжной помощницей в домашних делах. Все трудились не из-под палки, а сознательно помогая родителям, но работы всегда было невпроворот. И только с приходом зимы наступало некоторое послабление.

Поэтому ещё раз. Как найти время, чтобы прочесть большое количество книг для сдачи экзамена? И выход был найден. Современную отечественную и зарубежную литературу читали все, в том числе и мы с братом. «Консуэло» Жорж Санд, «Красное и чёрное» Стендаля, «Железный поток» Серафимовича. Каждый получал свою порцию книг, должен был прочесть и рассказать маме сюжет. Затем она брала книгу и просматривала её бегло. Таким образом формировалось общее и в некоторых деталях представление о книге.

Брат настолько увлёкся этим делом, что стал книгочеем. Стал читать запоем. На столе лежат две книги. Сверху математика, внизу фантастика. Родители на улице – книги меняются местами. Для меня же это чтение имело несколько иные последствия. Читая взрослые книги и половину не понимая, я научился «скорочтению», выбирать главное – сюжет. Поэтому все монологи и диалоги я пропускал, считая, что это «вода», не заслуживающая внимания. И это сказалось на моём восприятии социальных отношений и умении их строить. Мне кажется, что я до сих пор во многом не понимаю действий и слов многих людей. Впервые я столкнулся с этим ненужным говорением и, как мне каза-

лось, пустой тратой времени на заседаниях кафедры, когда стал аспирантом. И именно в это время я понял роль диалогов и коммуникаций в конструировании социального статуса. Стал перечитывать книги по-другому и стал прозревать.

За десять лет в нашей жизни произошло многое. Мы (конечно же, папа) продали старый и построили новый дом, построили сарай и другие постройки, выкопали колодец и посадили сад. Но не всё было столь благополучно, как может показаться на первый взгляд. Родители совершили фатальную ошибку. Отец продал родительский дом и перевёз свою сестру Марусю жить к нам, в надежде, что она будет помогать по хозяйству и присматривать за детьми. Надежды не просто не оправдались. Вся наша жизнь превратилась в огромную свару, огромный конфликт, который имел губительные последствия для всех, и в особенности для меня. Но это другая история... Давайте вернёмся к нашей героине Насте.

Преемственность и смена поколений

Прошло 33 года, как Анастасия Трофимовна переступила порог школы. 1 сентября 1977 года. Время семь часов утра. Моя мама стоит у окна в своём доме и украдкой вытирает слёзы. Вот она и вышла на пенсию. Вернее, её «вышли» по выслуге лет. Не хватило нагрузки.

А на улице праздник – дети идут в школу. Все в школьной форме, девочки в белых передниках и с белыми бантами. Мальчики в строгих школьных костюмах. И все с букетами цветов. Идут мимо нашего дома, что-то радостно рассказывают друг другу, радуясь встрече. Здравуются со своей учительницей. Они ещё не знают, что с бывшей. Большинство – её ученики. У одних она была классным руководителем, у других – учителем русского языка и литературы. И вот теперь она уже бывшая учительница. Мне кажется, с этой ситуацией она не смирилась до конца жизни. Она была учительницей по жизни.

Чтобы не показывать нахлынувших чувств, она уходит в глубь дома. Но разве от себя спрячешься. Для неё, как и для тысяч других настоящих учителей, школа – это было нечто большее, чем просто место работы. Это было призвание, смысл жизни: «Сеять разумное, доброе, вечное». И здесь нет преувеличения. Дети шли в школу, и душа моей мамы-учительницы летела вместе с ними. Она всю жизнь вкладывала частицу души в своих учеников. Она была и есть не только моя мама, но и мама своих учеников. И это чистая правда. Её отношения с учениками были особенными, потому что она их любила, и они ей отвечали взаимностью. Все конкурсы и смотры выигрывал её класс, потому что дети старались изо всех сил. Иногда комиссия засуживала её класс, многим учителям не нравилось такое положение дел, и прежде всего руководству. Тем не менее её отношение к ученикам было сердечным и высоконравственным. Такой чистой и незамутнённой бывает родниковая вода. Школа, в отличие от общества, сохраняла правду, справедливость, чистоту. И это я чувствовал – как её ученик, как сын и как в последующем её коллега. Лучшие ученики – это те, кто лучше всех учился и участвовал в общественной жизни школы. Неудачники старались исправиться – «подтягивались» (тогда был именно такой термин). Конечно, были и свои «герои», которые стеснялись своих заслуг. Во всяком случае, не ходили гоголем.

Прошло ещё 30 лет. 1 сентября 2007 года. Время восемь утра. Внучка моей мамы, тоже Настя и тоже учительница, пришла на свой первый урок. Это был не просто урок английского языка. Это был урок-шок! У большинства детей отсутствует готовность учиться. Или они её тщательно маскируют. Большинство детей приходят в школу не учиться, а развлекаться: испытывают учителя на прочность, подначивают, в общем – ведут наступление. Настя считает дни «до дембеля» – когда закончатся два года распределения. Что происходит со школой? Может быть, Насте не повезло и у неё в классе слишком много отвязных детей? Либо она никудышная учительница? Увы, реальность куда серьезнее. Современная школа находится в серьёзном кризисе, но это уже другая история.